

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ ДОБРЫЕ ЛЮДИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Степанов

Добрые люди

«Автор»

2017

Степанов С.

Добрые люди / С. Степанов — «Автор», 2017

Здравствуйте! Меня зовут Сергей. Эта книга - сборник рассказов о моих друзьях и знакомых, о людях, которые живут здесь и сейчас, и стараются понимать и уважать других в мире, избавившемся от строгих правил морали, в мире, где добрым является не только тот, кто готов в любой момент прийти на помощь несчастному, но и тот, кто умеет громче прочих кричать о том, что он - добрый. Содержит нецензурную брань.

© Степанов С., 2017

© Автор, 2017

Содержание

ШАГ	6
ПОБЕГ	14
ДАВКА	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Они ехали... ехали... ехали...

ШАГ

«Ленка, ты отчаянная!» Так ей много раз говорили. Хотя чего такого отчаянного в том, чтобы носиться целыми днями на велике или валить бугаёв на занятиях секции таэквондо, или мальчиков для поцелуя выбирать по воле поющей из воздуха монетки? Энергичность – не более. Не замечала она за собой до времени ничего такого отчаянного. А там и возраст подмигивать начал: «Не дури»; да и ножки – эти просто взяли и сменили плоские джинсы на сворачивающую шею юбочку. Не до великов стало.

Поэтому ей совсем не пришлось бороться с собой, ну, там, сохранять спокойствие, делать какой-то невозмутимый вид. Она так сразу и сказала: «Ой, блин, страшно...», в смысле, что: «может не надо». «Я надеюсь, моё общество позволит чуть понизить градус страха», – произнёс телефонный динамик Денисовым голосом. «Ну да», – пробубнила она. От его голоса... Скорее нет – от его речи, непривычно гладкой... ну, как в книжках, что ли, она таяла. У неё прямо дрожать начинало всё внутри, когда она представляла, как его губы шепчут ей его слова на её ухо, отзываясь вспылками в самых потаённых глубинах её сознания.

– Я заеду завтра в восемь. Утра! Не вечера! – уточнил голос. Потом, вспомнив, добавил: – Леночка, надень штаны какие-нибудь погрязнее.

Она рассеянно покивала головой.

– Ты слышала? – повторил голос.

– Я покивала же... – просюсюкала она. Ей очень понравилась эта первая в их жизни «Леночка».

– А я так и понял! – Он засмеялся заразительно. – До завтра!

– Пока, – заразилась она и отложила телефон, продолжая улыбаться, оглаживая его нежными пальцами.

Вздыхнула глубоко и радостно. Он подошёл к ней недавно, и она всё поняла и скрываться не стала. Когда он сказал ей тоже записать его телефон на всякий случай, сразу набрала: «Дениска». И сразу же, даже не дожидаясь звонка, написала тогдашнему парню, однокурснику, чтоб он ей не звонил, т.к. влюбилась в другого.

Он был старше её лет на пять, носил солидную щетинку, прикосновение его сильной руки, к талии, или к локтю, вздымало волны слабости, ударявшие в ноги тёплым прибором. Это было их третье свидание. Он водил её в музей, в театр, теперь вот на аэродром.

– Папа, а ты прыгал с парашютом? – Она вошла в гостиную.

– Было, было дело. И с парашютом прыгал, и без парашюта прыгал. А бывало, и не прыгал вовсе, а... – Он ущипнул сидящую рядом жену. Та озабоченно отмахнулась – следила за телеэкраном. Лена ценила редкого весёлого папку с бровками-крылышками. Он работал в каких-то структурах, и, если она встречала его вечерами, его брови чаще всего изображали из себя мохнатый навес.

– Ну давай, расскажи тогда, чё там делать-то надо?

– А ты что, прыгать собралась? – Мама мгновенно переменяла экран на неё. – Не носишь!

Тут вы можете спокойно идти и пить кофе. Минут пять-десять, не меньше. Ленкин маман – типичный домохозяйка, а значит: гнездо, птенчики и всё, что с этим связано. А тут ещё непрерывные новости об авиакатастрофе, которые, как сериал, она впитывает в себя последние несколько дней. Получая такую подпитку, мама совсем с ума сходит. «Какой ужас!», «Какой кошмар!» или «Сто восемьдесят два!» повторяет она. И, как только выпуск кончается, все эти ужасы, и кошмары, и сотни вариантов трагических катастроф обрушиваются на её несчастную

семью. Доходит чуть ли не до того, что следующий самолёт уже падает непосредственно на Леночку, на бедную, несчастную девочку, которая идёт, ничего не подозревая, в универ. Не стоит и пытаться объяснять при этом, что не идти в институт по этому поводу глупо, что с тем же успехом самолёт найдет её и здесь, в квартире. Мама не понимает, успокаивается, только если Лена остаётся с ней. С другой стороны, нет этих выпусков, затишье с кошмарами – мама всё равно места себе не находит. Предчувствует, что что-то произойдёт. Сердце ноет, голова болит. Словно ждёт с дрожью нетерпения следующего ужаса, чтобы выдохнуть: «Я же говорила...». В общем, Лена пожалела сразу об этом глупом манёвре. Сказала, что всё это теоретически, что друзья вконтакте какие-то... Вынесла упорно минут пять обороны и, когда огонь стих, отошла на резервные позиции своей комнаты, подмигнув незаметно папуське.

Села за компьютер и открыла блог Smur188. Он лучше и подробнее всех описывал ход расследования таких катастроф. Ещё свежи были воспоминания вчерашних слёз. Он выложил в сеть, а она прослушала, запись с чёрного ящика. Было слышно, как второй пилот пытается сломать дверь, как визжат женщины в салоне, как мужики кричат: «Save me, God!» Лена поводила мышкой вокруг ссылки, но снова это переживать не решилась. Было слишком ужасно.

В этом она полностью понимала свою маму. Только та всё же сильнее, глубже воспринимала все подобные трагедии. После новостей о землетрясении или урагане с жертвами она зачастую оказывалась в постели с валерьянкой и корвалолом. Заходящей пожалеть её дочери рассказывала про своё предчувствие, про то, что именно тогда, когда этот ужас происходил, ей было нехорошо. Вполне возможно, что у неё были реальные способности. Уж очень часто плохое самочувствие сопровождалось экстренными выпусками новостей.

Сама Лена считала, что это очень естественно – сопереживать, что хоть так люди должны отдавать дань погибшим. Только, может быть, в силу молодости, а может быть, из-за сухости чувств, меньше сострадала всем несчастным, чем мать. Однако она обладала очень сильным воображением, и вечерами, посмотрев новости перед сном, она, порой десятками минут, до мелочей восстанавливала в представлении ход трагедий. Бывало иногда, что её представления оказывались такими живыми, что на следующий день где-нибудь на улице или в торговом центре накатывали на неё объёмной волной, со звуками, с красками, даже с запахами. Она ярко, всем сердцем представляла, как гибнут несчастные дети, а их матери держат их на руках и кричат, поднимая лица к небу. Её дыхание учащалось, сердце тукало быстрее, руки начинали подрагивать и движения могли ошибаться: она спотыкалась или задевала кого-то. Из её глаз текли капелюшки, и она усаживала себя на полчаса в кафе, чтобы отвлечься и прийти в себя, или торопила себя домой, к маме и папе, чтобы забыть и снова почувствовать себя в кругу безопасности, тепла и любви.

– Ну так что? Что за парашютики? – спросил папа, усаживаясь на диван рядом с ее столиком.

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Папа, я так переживаю из-за этих несчастных людей. Которые разбились. Представляешь, оказывается, они падали около трех минут и всё это время знали, что умрут.

– Ну что вы так... Только что маму успокаивал, рыдает там... Теперь ты. Того, что случилось – не поправить. Оставь их в покое, Ленка.

– А ты что, не переживаешь?

– Переживаю, конечно, – покивал он и захитрил: – А ты именно из-за тех, которые в новостях, переживаешь? За других не переживаешь?

– Ну, про других-то я не знаю, – пожала плечами Лена.

– Ну вот и про этих не знай, лапуля. Через три месяца о них уже и не вспомнишь... Займись делом, чтобы отвлечься, – он погладил её по головке.

– Так а тебе, тебе что – безразлично? – обиделась она.

– Мне, зайка, переживать некогда. У меня каждый день... Конечно, никому не желаю испытать такое... Ну так что там, с парашютиками-то?

– Не знаю, прыгать с парашютом буду. Друг пригласил... – она сказала это, глядя в экран, но он всё понял.

– Ты там, с этим другом-то... Слышь? – рассказал он.

– Ну папа... – объяснила она.

– Ладно, ладно... Куда поедете-то? На чём опускаться будете?

Она пожала плечами.

– Ну, в общем, ничего не знаешь? Настоящий десантник! – Он обнял её за плечики и погладил. – Давай-давай! Перворазик... Моя доча должна уметь! Только мамке ни в жисть не говорить! Поняла?

Она сделала рожу из разряда «исчо бы!»

– Скорее всего, вас на дубках, конечно, сбросят. Знаешь что, лучше бы, конечно, на инструкторе первый раз прыгнуть...

– Как это?

– Ну, это когда тебя к его пузику прицепляют, и вы вместе прыгаете. Так и веселее, и спокойнее.

– А ещё как бывает?

– Ну как, на дэшке. Это на куполе обычном то есть. Там главное – приземление. Ноги – вместе, руки – держат стропы вверху. – Он встал с дивана и показал ей позу. – Ну-ка, встань тоже...

Он заставил её залезть на диван и научил её, как приземляться на сведённых ногах.

– Самое противное, конечно, это когда по земле тянет. Надо сразу купол гасить. Как только упала на землю, сразу, не думая, встаёшь и бежишь к куполу. Обежала его вокруг и руками к земле прижала.

– А может тянуть?

– Конечно, – ответил он. – Если приземный хороший, ты вот, как ветер дует, с такой же скоростью и полетишь сквозь все попутные кусты. Это вас, лёгеньких, в первую очередь касается... Хотя чёрт его знает. Например, на дом – тоже довольно опасно... У меня один паренёк так, Серёжа Ломов...

Он остановился...

– Ну расскажи, расскажи, интересно!

– Ну что – «расскажи»... На куполе тоже опускались... Да... Тогда этих, крылов-то, не было ещё. Там... Ну, там, учения... И в городской местности. Ну, там, дома по десять этажей где-то.

– Ну, и...?

Папа почти ничего о своей работе не рассказывал.

– Ну и словил Серёга крышу. На самом краю остановился. Подумал, видать, что сел, пошёл так, неторопливо, купол собирать, а тут порыв... Купол с крыши, Серёга за ним – как пушинка...

– Ну и что? На землю сел?

– Сел... Сел... Потом вот несли его по очереди.

Папа занемногословил. Она тоже расстроилась.

– Так он что – умер?

– Нет, ногу сломал... – взбодрился вроде папа. – В общем, ты, если видишь, что на дом – по крыше бежишь и с края прыгаешь. Пока купол раскрыт. Поняла?

– Да поняла... Ноги-то не казённые!

– Ну во! – Он погрозил ей пальцем. – Друг... Я тебе...

Поцеловал макушку, обняв, и пошёл к выходу из комнаты.

– Средства связи не выключаем! – это уже и не папа был, вроде, а инструкция.

Лена, кивая и улыбаясь одновременно, вернулась к монитору, прочитала открытый пост. Потом перешла в поисковик, набрала: «Сергей Ломов» + десант + упал с крыши» и долго копалась, пытаясь хоть что-то найти.

Перед сном она ещё раз успокоила маму, сказала, что поедет завтра на пляжик. Та смотрела на неё недоверчиво и говорила, что лучше не надо, что у неё предчувствие... Потом мылась, расфыркая душевые капельки на стену, переодевалась в пижамку с мишками, мечтала по потолку, валяясь на расстеленном диване и закинув ноги на стену. Потом посмотрела немного ночных новостей и бухнулась в сон. Потом лежала щекой на Дениске, и он охватывал её лицо своими сильными руками. Они нагревались всё больше, и папа гладил её по голове. Он обнимал её и целовал всё ниже, и его щетинка смешно щекоталась, и папа стоял рядом и улыбался, а самолёт кружился, и она падала, падала, падала, смеясь от ужаса и от счастья, прямо в жаркие мягкие добрые руки.

Будильник чуть только заденискал, она его тут же прижала к тишине, так даже и не заметив, где закончился он, а где началось утро. Она пошлёпала по коридору, нажала на ручку и испугалась – тубзик был закрыт. Но папа тут же кашлянул и пошуршал газеткой. Она вздохнула. С мамой лучше было не встречаться сейчас. Она шустренько сбегала в маленький, помыла в его раковинке лицо и руки, на цыпочках вернулась в комнату и, накинув платице и шлепки, потекла к двери.

На кухне мелькнула быстрая тень, и у неё упало сердце.

– Дверь закрою, – прошептал папа, поцеловав её в щёчку.

– Пока... На пля-жик! – напомнила она.

Он усмехнулся.

Динька уже стоял перед подъездом, и она в последний миг осеклась, метнувшись к нему – они ещё «не целовались». Он приобнял её и тут же спросил про одежду.

– Какую одежду? – радостно заморгала она.

– Как какую? Я же тебе говорил: грязные штаны и кеды какие-нибудь! Нам же по полю ползать с тобой придётся.

Она расстроилась. Подниматься назад совершенно не хотелось. Была возможность не вернуться вообще. Она поведала любимому об этом, он усмехнулся, назвал её пнём и полез в багажник своей большой машины.

– Ладно, – сказал он, – держи боты мамкины, а штаны, я думаю, там тебе найдём.

Он говорил так серьёзно и так спокойно. Сердце бухало прямо в горле, и она стояла, как дура: в каждой руке по грязной ботине. Смотрела на него.

По пути они слушали музыку, и она ему что-то спела своим поставленным в школе сопранчиком, а он сказал, что это крутяк, и она пела ему ещё. Стюардессы разливали чай и кофе, соседи тихо переговаривались, шуршали газетами. Позавтракали и они на заправке, и она заляпалась френчодогом вся совсем, и он её лицо сначала вытирал нежной салфеточкой, а потом отправил мыться в ВЦ.

Аэродром был довольно далеко, они подъехали около десяти. Несколько небольших домиков, огромное, до горизонта поле, самолетики за домом видны – какие-то накрыты, какие-то целиком. Они поставили машину и вошли в здание. Там было людно. Человек двадцать, молодежь примерно их возраста, сидели на стульчиках вокруг доски, завешанной плакатами. Инструктирование уже началось, и они тихонько сели в заднем ряду.

Ребята все были приятные, свежие, яркие. Но серьезные. Многие записывали. Она почувствовала себя среди своих. Выделялся и смешил её один парнишка, да как парнишка, он был, пожалуй, старше их всех – в очках, серьёзный-такой-серьёзный. Задавал вопросы и глубоко-мысленно дискутировал с инструктором. Гений, одним словом.

Инструктор называл им марку и рассказывал об устройстве парашюта, объяснял про группировку приземления, про которую она уже слышала, рассказывал про деревья и крыши домов, повторяя папины слова. Ей казалось, что это всё она уже тысячу лет знает, что всё это очень просто. Главное, когда будет набегать, – сгруппироваться; если на крышу – прыгнуть, быстро пробежав и толкнувшись, если в воду, то...

– Ладно, ребята, это вам всё, надеюсь, сегодня не пригодится. Воды у нас тут нет, дома ближайšie в двадцати километрах. Расскажите вы мне теперь, что же самое сложное в прыжке с парашютом?

– Приземлиться? – произнес гений.

Инструктор сделал паузу, чтобы все могли впитать эти мудрые слова.

– Почти! Самое сложное – сделать первый шаг. Шаг из самолёта. Ведь для того чтобы приземлиться, нужно взлететь, правда? Так вот... Ваша вся природа будет вам противодействовать. Она будет вам вопить, что это всё глупость, что лучше никуда не прыгать, а посидеть спокойно на скамеечке и приземлиться вместе с самолётом. Это же каким же надо быть, действительно, дураком, чтобы с твердой, относительно, поверхности взять и шагнуть в пустоту! Поэтому задача у вас, друзья мои, одна – вот эту самую природу взять и переломить! Зато потом... Когда шагнули... Мы все молчим, смотрим и наслаждаемся красотой полёта.

Инструктор сделал паузу, чтобы все представили, как они шагают в пустоту, а потом наслаждаются. Вокруг хихикали, перешёптывались и подталкивали друг друга в бока. Она отчетливо представила, как падает в объятия любимого и прижалась щекой к его плечу. Денис погладил её по головке.

– В общем, главное в этот самый миг, ребята, перед шагом, забыть, кто вы есть. Вообще про всё забыть и смотреть только на спину впереди идущего и делать то же, что делает он.

– А тому, кто первый пойдёт? Тому что делать? – спросил, естественно, гений.

– А вот это вы, вскоре, и узнаете.

Раздался дружный гогот. Гений один не смеялся – его лицо растерянно растянулось.

Им раздали бумажки, и они, перешучиваясь, заполняли реквизиты получателя страховки на случай фатального исхода, подписывались, подходили гуськом к журналу инструктажа, вписывали свои фамилии и тоже подписывались.

Денис отошёл куда-то и через минуту пришёл с огромными пятнистыми штанами. Они были зимними и ширинка на них не застёгивалась. Она утонула в них по самые подмышки и с энтузиазмом позировала ему на улице.

Полетела первая партия, и они вышли из домика и смотрели, как самолёт, глухо урча, поднимается в небо, как от него отделяется белый комок, потом другой, третий, как комки бумкают и превращаются в белые цветочки. Она держала его за руку и, запомнилось, тоже смеялась, показывая пальцем, как над самым первым парашютистом открылся второй купол. «Обкакался». Возвращались розовые ребята из первой партии, показывали большие пальцы, курили, матерились, выставляя вперед ещё дрожащие мелко руки. Смеялись беззлобно над гением – это он каканул. Потом, когда их партия уже оделась и стояла перед дверью на лётное поле, а она, внутренне дрожа, настраивалась на этот прыжок и представляла себе этот самый страшный шаг, и даже делала его, с серьёзным личиком подпрыгивая на левой ножке, чем развлекла Дениса и других ребят, вошел инструктор, показал руками крест и сказал, что ветер, что прыжок откладывается.

– Все курят, – сказал он и пошёл курить первый.

Они побродили между людьми. Но от дыма она закашляла, и тогда они отправились в машину, поели припасённые им булочку и яблочко, и как-то незаметно, когда она пальчиком снимала крошку с его губ... Он шептал ей что-то на ухо. И это было очень жарко, жарко от этих губ и от зимних штанов, и ей запомнилось, что копьём удовольствия её пронзил именно этот вид большого, раскрытого чернотой гульфика грязных плотных штанов, в который погружалась его рука, чтобы найти её податливое текущее тело. Она закрывала глаза и с ровным гулом взлетала сквозь облака, а когда открывала на миг, то видела его волосы и брови и ощущала ровный стрёкот сердца и падала снова. Потом опять взлетала и пробовала эти облака на вкус, и они казались невероятно плотными и сладкими, такими, что, когда сладости стало слишком много, то она лопнула ярким всплеском и растеклась, выгибаясь по телу, расплавляя его жаром и дрожью.

А потом, очень неудобно и не вовремя, подбежал какой-то парень и, застучав в лобовуху, отвернувшись, прокричал, что их уже давно все ищут. И они побежали, застёгиваясь и смеясь. Штаны спадали, она хватала их рукой. Вбежали в клуб. Их сразу – в раздевалку. Шлем – не подходит, шлем – не подходит. Подошёл – похлопали. Парашют. Вес какой? Сорок шесть. Где они там? Минуту! Надевай. Так крепления велики. Уже пять минут движок работает! Вот этот пробуй. Тяжёлый. Ага, затянулись. Бегом-бегом. Дениска! А ты там! Бегом-бегом. На поле. Самолёт рычит двигателем. Инструктор вопит. Сколько можно. Ветер! Ветер! По лесенке три шага. Тяжёлый парашют. Твоё место. Дениска... Его вперёд.

– Он – самый тяжёлый. Его вперёд! – прокричал инструктор, прижав свой шлем к её. По-другому разобрать что-то было невозможно. Двигатель орал прямо над ухом.

– Пошёл! – закричал он в кабину и повалил между рядами, чтобы закрыть дверь.

Со своего места ей не было видно Дениса, он сидел на лавке вдоль той же стены. Она вгляделась в лица людей напротив и вдруг почувствовала, что все очень напряжены. Посмотрела вокруг. Небольшое, тёмное помещение-цилиндр. Железо, провода, трубы. Осознание того, что будет через несколько минут, вдруг нахлынуло на неё. В эту же секунду самолёт взревел мотором и рванулся вперёд так, что она непроизвольно вскрикнула. Машина неслась, подпрыгивая на кочках. Каждый удар она чувствовала всеми внутренностями и уже начала твердить «ща взлетим, ща взлетим». Он очень долго не взлетал, и люди начали нервничать и оглядываться. «Наконец-то», – произнесла она про себя, когда почувствовала отрыв. Но самолёт тут же наклонился резко вбок, и женщина в дальнем конце салона крикнула, заплакал ребёнок. Пол под её ногами оказался мягким и прогибался от малейшей вибрации, самолёт вздрагивал вместе с порывами ветра, мотор то набирал обороты, то вдруг, казалось, замирал где-то позади. По салону пробежала стюардесса, ещё несколько людей заголосили. От следующего толчка открылось несколько багажных дверей, и сумки посыпались на пол, на людей. Дети орал уже в разных частях салона, погас свет, салон трясся уже не переставая, и какой-то мужчина лез по спинкам кресел, вопя: «Помогите!» Вдруг раздался удар, как будто о стену. Все на лавках навалились друг о друга, кто-то соскользнул на пол. Перед её глазами прыгал круг света. Из-за него накатывался рокот мотора, который окружал их незримыми миллионами ртов, хлюпло разевающимися и слюняво обсасывающими смерть этой пачки людей, зажатых в тёмном и гулком мешке, беспомощных и не готовых... Орал дети, матери выли и прижимали их к себе. Измазанные соплями и рвотой люди катались по салону, и испуганные стюардессы, забыв на лице улыбки, превратившиеся в прямоугольные оскалы под стеклянными сферами глаз, орал на них, как на собак: «На место! На место!» Машина тряслась и переворачивалась. Людские шматы переваливались вслед за движениями железа, они защищались и спасали себя единственно возможным способом: открывая рты. А когда в борту неожиданно взорвалось отверстие и в салон ворвался поток света, ветра и близкого рёва мотора, она тоже раскрыла рот и это «а-а-а-а» вырвалось из неё наружу. «Ма-ма!!» – кричала она вместе со всеми. «Мне стра-а-ашно! Мамочка!» – кричала она вслед за теми, кто должен был сейчас умереть. «Мне стра-а-

ашно!!» – выкрикивала она в страшное лицо, возникшее перед ней. Рука этого человека приблизилась к её носу, и её перетряхнуло от отвратительного запаха. Голоса мгновенно смолкли, пространство вокруг наполнилось гулом мотора, стояли люди, готовые к прыжку.

– Посмотри на меня, – сказала лицо. – Посмотри... Так... Повторяй: «Я делаю, как они».

Она повторила.

– Вот так и повторяй, без остановки.

Она тупо повторила это заклинание ещё раз. Потом ещё. Как-то не заметила, как оказалась на ногах, как они, эти ватные ноги, потащили её вслед за ними к белой яме. Сзади на неё кто-то напирал и подталкивал. «Делаю... делаю... делаю...» – не понимая, что делает, судорожно хватая воздух, повторяла она до тех пор, пока не исчезла спина, создававшая видимость темноты впереди неё, и тогда её охватил такой яркий свет, вопля которого она не слышала ещё никогда прежде в своей голове – она твёрдо ощутила, что вот именно сейчас, сделав шаг в невероятную пустоту внизу, она полетит туда, ударится больно о землю и станет тьмой. Что-то бросило её вперед, она завизжала смертью, та рванула её, начала трясти в стороны, куда-то волоочь...

В полной тишине её напугали громкие, размеренные взрывы. Только через несколько секунд она поняла, что это – её дыхание. Никогда бы не подумала, что девушка может так судорожно и громко дышать. Как только она вспомнила себя, разом накатило и всё, что было прежде, и она поняла тогда, что то, что видят её глаза, – далёкий горизонт, то, что слышат её уши, – легчайший шепот ветра, а то, что чувствует её тело, – ... Ей стало дурно, она поняла, что висит на верёвках в километре над землёй. Она потеряла контроль над глазами, и они, опустив голову вниз, увидели такую далёкую землю, такие мельчайшие машинки и невидимых почти людей, а надо всем этим чьи-то чужие, болтающиеся в пустоте ненужные ноги...

Она пришла в себя от странного, скрежещущего звука, словно что-то разматывалось. Она дрожала и долго, всё время, пока шёл звук, не могла понять – откуда же он, что произойдет с ней ещё. Вдруг звук прекратился, на животе её что-то щёлкнуло, и она вспомнила всё, что им говорили про запасной парашют. Он вывалился вниз, под ноги и начал медленной медузой всплывать кверху, растягивая её, как куклу, между двух ниточек.

Ни о каком обещанном наслаждении и речи не шло. Она болталась между двумя парашютами, как безвольная, зарёванная сосиска, и мечтала только о том, чтобы это всё побыстрее закончилось. Когда земля начала набегать, она попыталась сгруппироваться, как учили, выставить ноги, но не тут-то было. Второй парашют мешал ей принять вертикальное положение, и, как она ни пыталась выставить ноги вниз, у неё это так и не получилось. Она быстро приблизилась к земле и упала на неё, как мешок с пылью, гулко ударившись шлемом и издав гортанный, звериный звук. Резко взвизгнула боль в левой ноге, которую она до последнего момента всё же пыталась выставить навстречу земле. Её шмякнуло ещё раз, потом потянуло. Она суетливо пыталась затупить парашюты, но даже и с одним ей было не справиться. Она цеплялась за стропы, а её всё тянуло куда-то, больно подбрасывая на кочках, она редела и цеплялась, а потом, когда её снова садануло головой о землю, перестала цепляться и только редела, до тех пор, пока движение не остановилось и над ней не появились встревоженные лица.

Её кое-как достали из упряжи. Она сидела, грязная, всклокоченная. Всклипывала. Долго пыталась достать телефон, чтобы позвонить папе, чтобы он забрал её скорее. Но руки совсем не слушались. А потом подбежал Денис, и вытирал её лицо платком, и почти что бегом нёс её на руках до медпункта.

Было смурно и душно. Изображения людей за столиками подрагивали и терялись. Она была совсем вяленькая и, если честно, в кафе с ним поехала только потому, что «доча должна

уметь прыгать...» Если бы не это, она бы точно уже ехала с папой туда, где её окружит безопасность и любовь. За время, пока ей перевязывали ногу и обрабатывали ссадину на лице, она отдышалась. Правда, на его попытки пошутить обо всём об этом она не реагировала, зато позволила заказать себе чаю и выпила его, взбодрившись. Когда она, обняв горячую кружку ладонями, попивала чай, начался выпуск новостей по телевизору. Комментатор смачно вгрызался в цифры разорванных на части людей, исторгал радость, что знает новые подробности катастрофы. Влажные рты за соседними столиками жевали, не переставая; глаза поднимались к экрану с выражением сытого сочувствия и через секунду возвращались к пище.

Мамины глаза.

Её чуть не стошнило от такого открытия. Чай рванулся по горлу ярким ужасом смерти – словно кто-то толкнул её в белую пропасть. Подышав, она произнесла, что не вынесет этого, и Денис тут же устроил так, чтобы новости пропали.

Всю дорогу назад они промолчали. Сгустились сумерки, шёл мелкий дождь... Пару раз он начинал что-то говорить, но Лена неопределённо хмыкала в ответ. Старалась упираться ногами в пол – иначе казалось, что под ними дрожит пустота.

Подвезя её к дому, он спросил:

– Ну скажи мне, ты что – так перенервничала? – В его глазах дрожала искренняя забота.

– Дя-а уж... – Вдруг вырвалось из неё так резко и так противно, что слова не нашли себе продолжения, и ей самой сразу же захотелось, чтобы этого не было.

– Ну извини меня, пожалуйста, а? – попросил он.

Какое-то время Лена молчала, едва заметно порываясь то к двери, то к нему.

– Ну, пока, – наконец сами собой произнесли губки.

Она вылезла из машины и торопливо поковыляла к своей лестнице, не поблагодарив.

ПОБЕГ

Лёгкая ритмичная музыка свежестью наполняла его и выплёскивалась наружу. Она прокатывалась по просторам рядов, поднималась по стволам стеллажей, шелестела под потолком, порождая клубы довольного тумана, волнами ниспадавшего на гипермаркет. Соединителей подходящего цвета не было (у него с собой был обрезок плитуса), и он примерял соединитель похожего цвета, но другой марки. Отодвинув получившуюся конструкцию от глаз, Андрей покачал головой. Деталь от другой фирмы совсем не подходила к его плитусам, вставала с щелью, да и не держала бы. Глупость. Он бросил пластиковый кусочек обратно и задумчиво пошёл в глубь полок, кончиками пальцев докасаясь пакетиков и коробочек, словно колосков тимофейки. Искать другую стоянку было уже поздно. Он вдруг почувствовал, насколько голоден. Не ел почти десять часов.

В ответственных переходах, бывало, не ел сутками. Однажды зимой они шли по Ладого. До Валаама рассчитывали дойти часов за пять и, по молодой глупи, с собой каждый взял только по термосу, паре батончиков, ну и НЗ, конечно. Ровно на середине пути подпрыгнула метель. Она била то в лицо, то в спину, безо всякого ритма. Снег выцарапывал глаза, а лыжи катились назад, несмотря на смазку. Они решили переждать в палатке, но, когда через двенадцать часов кончился сухой спирт и встал вопрос о выживании, им пришлось подниматься и идти дальше. Это была одна из тех ошибок, о которых из чужого опыта узнать практически невозможно. Потому что не у кого. Свежие, они наверняка побороли бы эту вьюгу за три-четыре часа. Усталые, голодные и замороженные, они шли в два раза дольше. Один раз он обернулся и не увидел Лёху. Чётко помнил, что не испытал ничего, никаких эмоций. Просто развернулся и пошёл по своим следам. Лёха медленными, чужими движениями двух стержней, которые были руками, пытался поставить палатку. Андрей молча ударил его по спине лыжной палкой, потом ещё раз. Палатка вырвалась и мгновенно исчезла в круговерти. Друг посмотрел на него так, что Андрей опустил голову перед ударом, но Лёха, ни слова не говоря, надел лыжи и поплёлся вперёд. Андрей пошёл за ним. Пуховки спасли их тогда от обморожения, а Андрей понял, зачем нужна борода – на щеках и скулах осталась память рубцов. Только через месяц где-то он начал жалеть, что не сфотографировал этот вид. Когда вдруг, сразу, так же, как она началась, метель упала на лёд, сверху очутилось солнце и, как ни в чём не бывало, зарезвилось на голубых куполах собора, позвавшего их назад из бескрайнего белоснежного простора, в который они ушли уже на добрый километр. Тогда был пост, и они, чуть вернувшись из чёрного сна, отстояли заутреню вместе с серьёзными тихими людьми.

Решение было элементарным. Он подобрал соединители и уголки той же фирмы, но более тёмные. Под цвет пола. Смотрелось даже солиднее, чем с оригинальными. Он порадовался работоспособности своего разума. С улыбкой, блестящей из глубины глаз, заскочил ещё на одну полянку, чтобы взять саморезы подлиннее – бетон понизу крошился, и короткие вылетали сразу.

На завтра был запланирован перевал. Поцапались с родителями и решили не дожидаться окончания ремонта. Оставалась мелочь. Из основного: поставить вот плитусы, повесить пару светильников, установить розетки. И недавно безликая строительским ремонтом однушка, или «адфуска», как прикольно шепелявил Кирюха, становилась их родным домом на годы вперёд. Сантехника уже висела на своих местах, кухонька, икеевская своей простотой, но любовно собранная каждым винтиком, – тоже. Перевезти надо было только двухэтажную детскую кроватку да кое-какую посуду с одежкой. Он улыбнулся. У их семьи, несмотря на близость оловянного юбилея, почти ничего не было.

Желудок протяжно заурчал, хотя нет, скорее заблеял, когда показалась очередь. Но Андрей даже не подумал прислушиваться к этой мямле. Финишная ленточка ремонта уже зеленела опушкой новой жизни. Разве могли пятнадцать жалких минут в этом болотце повредить его уверенности? Он нажал зелёную кнопку и прижал к уху вибрировавший телефон.

«Да, любимая, – сказал он, улыбаясь. – Да, уже почти... Ага... Папа такой голодный, просто ужас... Спасибо, Веточка... А будет только картошка с мясом?» Он ещё раз, теперь хитро, улыбнулся, положив трубку в карман. Женщина, стоявшая перед ним в очереди, незаметно осмотрела его, сделав вид, что копается в сумке.

Прошло уже почти два месяца с тех пор, как они оживили гулкое чрево квартиры своими голосами. Это был их второй визит после подписания акта. Андрей бросил на пол в комнате свёрток полиэтилена, а Верка отнесла на кухню пакет с валиками, кистями и красочными банками. Однозначно было решено все перекрашивать и переклеивать, оставив от строителей только плитку в ванной – новую было не потянуть. Он уже прочитал, как (как два пальца) укладывается ламинат вместо линолеума, она – когда-то помогала родителям клеить обои... Он стоял уперев руки в бока, глядел в окно и улыбался незнамо чему, когда она подошла к нему сзади, обняла, тяжело дыша, как обнимала когда-то, и стала, не разрешая руками обернуться, расстёгивать и снимать с себя и с него... Когда они ушли поздним вечером, вздыбленный полиэтилен всё ещё пенно бурлил посреди комнаты, расплескивая безумный рисунок ступней по запылённой поверхности пола.

* * *

Вера положила трубку на холодильник. Его игривость остро порезала. Даже не порезала, а проколола! Она машинально домывала посуду и чувствовала, вернее, доподлинно знала. Несмотря на спокойный день, спокойный вечер, близость переезда, который означал исполнение её долгожданной мечты, она не чувствовала ни лучика. Скорее, наоборот, плотный чёрный квадрат удерживался ниточкой на самой границе зрения, и стоило сделать неверное движение в очередной безуспешной попытке разглядеть его сущность, как она, эта тоненькая нить, могла оборваться под неумолимой тяжестью, и Вера была бы раздавлена. Она подошла к шкафчику, взяла ещё таблетку успокоительного.

Время, когда в их жизни появилась Валька, вспоминалось как солнце, как свет после тёмной ночи, озаряющий путь не знавшим до этого пути людям. Её родители, у которых они поселились после свадьбы, разрывали бедный кулёк напополам, ревниво следя, чтобы ни одному из конкурентов не досталось больше Счастьюшка. Жемчужинка, игриво подглядывающая за взрослыми из пелёнок, беззвучно смеялась бубликом-ротиком, как будто знала наперёд, что ласка и любовь пребудут с ней навеки. Молодых родителей сладчайше отговорили от переезда в далёкий посёлок, где им предлагалась работа с жильём; их холили, лелеяли и самыми шпионски-ухищрёнными способами отсылали гулять и развлекаться, чтобы старые родители могли спокойно соревноваться в количестве пойманных Солнечных зайчиков-улыбок.

Что-то такое, только ещё более ироничное, она отправляла для публикации и очень ждала. Но её всё равно не взяли. И мать, Вера запомнила, сдержанно извивалась губами, узнав об этом, но всё же выпустила что-то вроде «детей рожай», и выражение лица мелькнуло, памятное с детства ещё, когда мать одними глазами, держа бумажки в вытянутой руке, читала Верины стишки. А ещё, когда у Веры однажды устала грудь, и молоко не шло, та проползла в ванную и до унижения больно и целеустремлённо нацедила нужную дозу, лишь бы отправить...

Ну а с Кирюхой всё как-то очень быстро наладилось. Стало таким, каким и должно было быть. Мать словно дождалась: округлилась и покрылась глянцем от этой новости. А тем же вечером в речи отца негромко звякнуло упоминание отдельной квартиры. Андрей тогда был в походе, и её очень обидели сладковатые намёки на то, чем должен заниматься настоящий

мужчина. И Вера сама змеилась шёпотом, чтобы не слышала Валька, отвечала матери, что он в этой семье в подобных словах не увянет... Он их и не слышал. Зато как аппетитно и сочно чвыркали по телефону успехи чьих-то первоначальных взносов, как за семейными ужинами обсасывались размеры чужих окладов. Отец, накашляв в кулачок, брал Андрея за руку и говорил, что есть у них место в институте, такое, что можно... Глядя на это, она мечтала поскорее освежиться глотком работы – им катастрофически не хватало денег даже на добавку к маткапиталу, а в школе с нетерпением ждали её возвращения – но вырваться из детей она никак не могла. И Андрей именно после её жалоб стал всё дольше задерживался на работе, всё чаще выходить в выходные, жертвовать встречами в турклубе. Его было просто не выпихнуть в поход за новыми впечатлениями. Тогда-то и началась эта история с Тулой...

– Мама, мама, а можно мы ещё мультик посмотрим? – Вбежала на кухню дочка.

Она посмотрела на часы, был уже одиннадцатый.

– Ну ладно, пока папа не придёт.

Сказав так, она знакомо заметила тень нависающей вины, но ей нужно было домыть посуду, поставить Андрею... Прощала себя по мелочам – до той поры, пока у неё не появится то, чего ей так не хватает. Сомневалась – не будет ли поздно? Мелькучие мультики и яркие бабушкины игрушки засасывали неповинного ребенка.

Она несколько раз сравнивала фотографии с обеих выписок и не могла поверить, что эти женщины на фотографиях – её мать. Даже когда был подписан договор и ожидалась сдача квартиры, расстояние всё равно продолжало увеличиваться, как будто дельце было вовсе и не в квадратных метрах... С Кириллом по-прежнему никто не нянчился, ей было не отойти от ребёнка! Несмотря на это, Валька всё так же, даже более демонстративно, блуждала по дедко-бабкиным рукам. Но с показухой завершили вчера. Родители уехали на все майские на дачу, внуки остались в городе.

До последнего времени Кирюха много и опасно болел. И если дочка давала ей что-то писать, особенно когда была малепуськой, то с появлением второго ребёнка всё творчество было сначала отложено, потом забыто. Вера утонула в зелени бессонных ночей, в бормочущих рифмах лекарств, в интернетных рассказах и диагнозах, в сверлящем ужасе от ощущения безвольного тела, сорокаградусно стекающего меж дрожащих рук, от ночных пробуждений, разрезающих молнией: «Не дышит!» Вспоминая именно это напряжённое болото (не родовые боли), она даже представить не могла, где найти столько сил, чтобы решиться ещё раз. Ей казалось, что за последние три года она перечувствовала столько, сколько ни одна мать никогда не испытывала, по крайней мере, это касалось отражённого в литературе. Беззащитное младенческое тельце на фоне хмурых вековых елей. Она как-то попыталась описать это словами мужу, родителям, подругам, но или слова в спешке вылетали не те, или они их ловить не пытались... Ни родители, ни муж не понимали её, не поддерживали. Андрей самым больным кусочком отдалялся от этого непонимания: он, бесспорно, жил только для неё и детей, но вся помощь у него как-то скатывалась к деньгам, к выматывающей пашке на работе и дома – словно только этого она от него ждала, словно он видел в ней только голодное тело. Всю суету воспитания двоих детей, все ужасы болезней она переносила одна, совершенно одна. Копила в себе впечатления, берегла нежно чувства, не делилась ими даже с больным ребёнком. И ей уже давно и невероятно сильно, до полового возбуждения, до набухания сосков, хотелось излить эту бесконечную точку чувств, стройными и ровными рядами слов заполнить окружившие трещины, чтобы заставить хоть кого-то повиниться и приблизиться. И вот теперь, когда Валюшка осенью шла в школу, а Кирюха – в садик, в их новой, пустой и тихой квартирке из-за хмурых, нависших над листом бумаги туч должно было засиять ясное, понятное солнце. Несмотря на то, что в одиночку тянуть кредиты было очень непросто, Андрей был не против, чтобы она вышла на работу не в сентябре, а, например, после зимних. По крайней мере, ещё совсем недавно они на это рассчитывали...

«Может, не говорить?» – хрустнула вдруг ей мысль. Такая голодная и неизбежная, что ноги сами подошли к шкафчику, а руки сами достали ещё одну таблетку и поднесли кружку ко рту.

– Чего глотаем?

Он подкрался настолько неожиданно, что она поперхнулась водой. Он стучал её по спине, но она всё задышалась. Не могла никак остановиться, опустилась на корточки и долго, до рвоты, кашляла.

– Извини, извини, – лепетал он, – извини, пожалуйста...

Она подняла лицо и захлебнулась в брызгах его испуганных глаз, и слёзы смели горным потоком. На пороге стояли взволнованные дети. У Кириухи лицо уже было готово излиться, как набухшая губка в чьем-то кулаке.

– Идите...Идите... – ревела она ему и махала рукой в сторону комнаты. – Это я... нервное... у меня... сейчас...

Она просто сидела на полу и плакала... Потом просто сидела... Потом пошла в их спальню и прилегла... Слышала, как он загоняет детей в бабушкину кровать, что-то недолго рассказывает им.

– Всё нормально? – Заглянул он к ней вскоре.

– Да, любимый! – ответила она.

И только когда зазвенела посуда, она вспомнила, что муж до сих пор не ел.

Она лежала на спине, чёрно смотря в темноту. Он тихонько зашёл в комнату, и её сковало ещё надёжнее, когда она услышала, как он снял трусы, а ночные не надел. Зевнул глубоко, повертелся, и через мгновение она ощутила его руку на своём животе, потом ниже...

– Ты хочешь? – идиотски прошептала она.

Он как-то упёрся вдруг, убрал руку. У неё задрожали губы, и тело неосознанно, порывом, двинулось к нему.

Андрей отвернулся к стене и сжал зубы до скрежета. Главное – не заорать, почему-то шепнула мысль. Только через несколько секунд он ощутил, что всё его тело напряжено до последней степени, как бетонная балка. Он задышал и стал потихонечку возвращаться в человека, опадая частями на матрас и на подушку.

Противно было не то, что он так быстро, не наслаждаясь, кончил, а то, что в её сухости и прилежности всхлипов он окончательно уяснил для себя полное отсутствие желания. В такое унижение он не верил, такого ещё не испытывал от неё. По сравнению с тем сказочным вечером в квартире, когда она, как раньше, приказывала хриплым, почти мужским голосом: «Ещё хочу», когда он снова почувствовал себя сильным, поверил, что она снова любит, когда её солнечный жар поглощал и уничтожал его сознание до самой вспышки, это было – словно труп насиловать. Да даже по сравнению со всеми теми редчайшими ночами, что были у них за последние годы, которых он тихо и понимающе ждал, в которые любил её искренне, а она молча лежала на спине... Понятно, что при родителях невозможно; понятно, что, когда дети спят в соседней кровати... Хотя почему невозможно-то! Ведь было же у них раньше везде, даже в машине... А теперь «я не могу», «потом»... «Я люблю тебя, честно», а тело говорит совершенно обратное... И на его слова о любви, о ласке, на его просьбы открыться, поговорить, стать ближе – то же, то же...

Он очень жалел её. В детстве у него был один приятель по турклубу. Он был «экономным», не верил, что в его рюкзаке лежат общественные продукты и предпочитал есть пищу со спин своих товарищей. Владимиру Филиппычу, тренеру, перед одним дальним походом на это пожаловались, но он сказал ребятам не обращать внимания. К концу двухнедельного путеше-

ствия парень упрашивал идущих налегке спутников скушать что угодно из его набитого, как и в первый день, рюкзака. Но ему никто не помогал.

Обида уходила, в отличие от неприятной пульсации в промежности. Он усмехнулся над ноющим ощущением своего бессилия, вызванного редчайшим употреблением инструмента: натянутая до предела ниточка, постоянно напоминающая о неудовлетворённости жизнью, была готова оборваться сразу. Ходя по улицам, он теперь отводил глаза от встречных женщин. Но она его всё же держала, держала настолько крепко, что даже и прямой взгляд (он уже знал это точно) не мог ничего изменить. Он был вынужден, он просто должен был сжимать зубы, не замечать ничего вокруг и всё продолжать, продолжать, продолжать этот становящийся бесконечным рассказ.

Не спал долго. Перелезал через спящую в туалет. Ему почудилось, что она всхлипнула. Он приблизил глаза к её лицу. Вера спокойно и глубоко дышала.

* * *

Валя проснулась с первыми лучами солнца, которые тёрлись у неё в глазу и щекотали нос. Какое-то время она не могла понять – где, но потом вспомнила, что это огромная бабушкина кровать и что они с Кирькой, как большие, спят сегодня отдельно.

Она сразу стала серьёзной, сходила в большую комнату и принесла свою любимую Дашу. Надо было её расчесать перед тем, как вести в школу. Даша уже умела читать, и считать, и писать, и в школу идти ей было не страшно. Ведь это была бабушкина школа и, значит, почти что её.

Даша переезжала скоро в новую большую квартиру, где она становилась такой же хозяйкой, как мама. Ей очень нравилось быть хозяйкой, как мама, а ходить в походы – не очень. Бабушка говорила всегда, что в походы лоборясы ходят. Лоборясы там, видимо, молились лбом о землю, и, хотя она папу ни в чём таком не замечала, всё же переживала, когда он изредка уходил в походы, а с ним ходить отказывалась, чтобы случайно не стать лоборясом.

Проснулся Кирька и полез к ней обниматься. Она его тихонько оттолкнула, шепча Даше: «Понарожают тут...», и он сидел на краю и смотрел с зелёной соплём из носа, как Даша учится в школе, а потом пошёл к маме.

* * *

В Тулу он ездил несколько раз. В первый раз был там как технический специалист при директоре по закупкам. Заводик ему понравился, он был похож на те европейские заводики, которые показывают по «Дискавери». Слесари сидели рядами за чистыми, новыми верстаками. По проходам, разлинованным жёлтыми лентами, ездил электрокар. Речь шла о газовых датчиках и клапанах. Качество продукции у них проверяли заранее – покупали образцы, теперь проводили инспекцию производства, системы качества.

Система оказалась в порядке, технологии – также на уровне. Кроме этого, ему польстило уважение, с которым к нему, рядовому технику, относится начальство поставщика. Возили на охоту с ночёвкой. Он, опьянев, рассказывал про ориентирование в ночном лесу без компаса и, кажется, даже тащил с собой директора проверить знания на практике. Но его, очевидно, не пустили. Хозяин завода сам отвёз их на станцию, всучил дорогой коньяк каждому.

Чуть спустя после заключения контракта дирзак пригласил их в выходные на дачу. Киря опять болел, Вальку бабушка куда-то потащила, и он поехал один. Конечно, он не очень разбирался в ценах на недвижимость, но, увидев домик своего коллеги, сразу понял, что о мечтах по приобретению однушки здесь говорить не стоит. Больше всего ему запомнился навес, под которым блестели две одинаковые машинки, марка которых умножалась на 6, а серенькая

«Мазда», на которой её хозяин ежедневно посещал работу, тихонечко грустила в стороне, под открытым небом.

Может быть, он и не стал бы этим заниматься, но все его друзья, и по клубу, и по жизни, давно уже при обсуждении источников дохода перестали употреблять обороты типа «ворует», «взяточник». Они говорили в том духе, что: «приподнять», «подогнать», «занести», обсуждая всякие разные схемы. Кому он не стал бы о таких вещах говорить, так это маме с папой. Но папа давно уже умер, оставив ему в наследство развалюшную «девятку», мама болела, потерялась совсем в своей миллиметровой хрущёвочке на окраине. В общем, он не то чтобы был против, просто не готов был к тому, что и с ним может приключиться такое.

А с годик где-то назад, в июне, он ходил в крайний, как пока выходило, поход. Группа «четвёрка», категория 2А. Это был Эльбрус – мечта его юности, почти забытая мечта. Всё ждалось, чтобы уместиться в рюкзаке за плечами. На протяжении одного дня движения радостная зелень несколько раз сменялась скупым каменным пейзажем: горные долины оканчивались перевалами так же незаметно, как жизнь, и так же незаметно перевалы превращались в новые долины. Голод мозга затуманил сознание, а скорее – прояснил, и казалось, а скорее, так и было, что он снял с себя какую-то накидку, лишнюю накидку, и что чем выше он поднимался, тем больше он соединялся с богом, а может быть, становился им, и был такой период озарения, когда Андрей заключался только в ощущениях силы, разжёванными комочками вползающей в пищевод, свободы, выталкивающей испражнения быстрым толчком, и опоры, равномерно встречающейся со ступнями в скалках...

Выбирать экип было сложно до наслаждения. Улыбка уютно устраивалась где-то меж сердцем и желудком, когда он бродил глазами в сети или ощупывал вещи на полках магазинов. Это было впервые – он мог позволить себе не дорожить каждой надменной бумажкой. Словно зная читкод на безлимитное золото, он прокачивал персонажа, составляя идеальную комбинацию из артефактов, которые должны были занять отведённые в рюкзаке квадратики. Лёгкость и универсальность мембраны долго боролись с испытанной надёжностью флиса, а вот потный начёс штанов сразу уступал, понурившись перед свежестью качественного термобелья; грузная горнолыжная маска всё никак не могла ужиться с лицом, влюбившимся в заливчатские альпинистские очки, но всё же презрительно взгромождалась на нём поверх банальных надоевших оптических, от которых никак нельзя было сбежать к легкомысленным линзам, а тяжесть не нужного по правде, но такого бы brutального на фотографии ледоруба, даже во сне являлась не раз, заставив в итоге выбрать бабкоподобные, но реально полезные трекинговые палки. В результате этой полугодовой драмы был вылеплен весёлый и довольный герой, которому свежо и тепло одновременно, ступни которого надёжно защищены и от порезов, и от вывихов, и от влаги, глаза, хоть и с грустинкой опыта, но зато далеко видят, а в рюкзаке, в рюкзаке есть свободный объём и запас в четыре килограмма, достаточный, чтобы поместить туда огромное полотно для вершины с надписью «Вера, я тебя люблю!», ну и для себя триста граммов – красный шарфик любимой команды, чтобы она снова зареяла на вершине, как раньше.

Лёха сильно помог с пропуском. В последний момент в их группе была произведена замена, и место заболевшего паренька из Омска заняла девочка из Москвы. Если бы не Лёшкина должность, им пришлось бы на ходу менять проработанный маршрут, который несколько раз пересекал пограничную зону. Это могло означать отмену всего мероприятия. Ещё Лёха не правильно (в плане правил), но очень хорошо поступил, согласившись, что Андрей будет руководителем группы. Для Андрея поход такой категории в качестве руководителя был первым, и это было очень важно для него.

С Лёхой они понимали друг друга без слов, шли в удовольствие, с большим запасом, любуясь природой и близостью их знакомой смерти. Молодой шёл уверенно, хотя и видно было, что на пределе. А она... Она удивляла каждым движением. Её тело – упругий горный поток – вливалось в природу непрерывною мягкой силой. Под весёлой рябью ощущалась опасная

тёмная глубина, а случайные всплески лица надолго оставались на роговице звенящим отражением солнца. На трёхдневной акклиматизационной стоянке в начале маршрута она плотно занималась с ним скалолазанием, и к концу третьего дня Андрей уже мог худо-бедно за ней угнаться. А когда на четырёх с половиной молодой упал в снег, стал кричать, что видит бога (выражая, в принципе, общее чувство), а потом катался в снегу, опасно натягивая страховочный трос, закрепленный на Лёхином поясе, именно она отцепилась от Андрея, спустилась вниз по склону и, схватив за ворот, начала хлестать поражённого по щекам до тех пор, пока он не осел в снег...

В вечер перед выходом из гор все отдыхали после ужина, после утомительного испытания. Он рассказывал байки, ребята с интересом слушали, а она смотрела в его глаза неотрывно, так, что рассказ то и дело начинал подрагивать в пламени. Лёха быстро пошёл на боковую, потом позвал в палатку и молодого. Они остались вдвоём у затухающего костра. Андрей продолжал что-то говорить, она смотрела на него, чуть наклонив голову. На середине фразы потянулась и поднялась, чтобы идти в свою палатку. Оглянулась.

И именно тогда, тем утром, около шести, его разбудил звонок. Схема была простая: вместо более дорогого заводского литья поставлялись идентичные китайские клапаны с перебитым штампом. Минувшей зимой на морозе полетело лишь несколько корпусов, но были обратные удары, кто-то даже горел. Когда расследование завершилось, он оказался в числе крайних. Конечно, доказать ничего не смогли, но...

В большом подвале краснокирпичных стен, где их положили спать тогда на Валааме, пожилой серьёзный монах будил молодого послушника, которому никак было не очнуться к пятичасовой молитве: он подтащил тело к бочке с ледяной водой и мягко, но неборимо сильно окунал сопротивляющуюся голову в воду: «Я же говорил, Серёженька, пора молиться, пора, милый, пора, пора, пора...»

* * *

Вера готовила завтрак, старалась не шуметь. Хотела, чтобы он отоспался. Сама долго не могла заснуть – тонула в густой зелёной трясине, пробираясь в ненадёжной музыке опор. Опоры эти были старыми образами, уже давно до мелочей изученными и заменёнными (как целые выражения заменяем на икс и на игрек) на цвет и квадрат, или на волну и укольчик...

На скользкой и круглой нужно было удерживаться, читая других в журналах в редкие минуты, свободные от домашнего котла. Когда совсем отчаивалась, урывками тренировалась, чтобы доказать себе, что ещё дышит. Плескалась иногда в дневнике, наполненном самыми беспроектными глубинами (если Андрей нашёл бы его и прочитал, она, несомненно, умерла бы). Был ещё давно забытый бложек... Сначала он наполнялся щебетом историй, которые приносил из походов муж, но по мере того, как близилась зима, пришлось перескакивать с походных заметок на рецензии. Она немного хитрила тогда, замедляясь на чём-то совсем забытом (например, из уничтоженных в 30-е годы) или забегая на свежие переводы – это помогало, у неё была пара публикаций... Но чтобы написать своё, желанное, словно равновесия не хватало, опора крутилась под ногами, на шее висели тяжёлые дети – те несколько ответов, говорившие, что нужно добавить ещё чуть-чуть, издевались верёвкой, висящей в нескольких сантиметрах от пальцев вытянутой руки.

Когда она соскальзывала, то погружалась в плотное небытие ватного одеяла. От неё удалялись дети, муж, родные, подруги, а рыхлые стебли идеалов, колышущиеся на плакатах, страницах и экранах, вырывались с корнем, изламываясь в судорожно сжатых кулаках. Подружки сладко душили её сочными словами с поверхности, их мужья или ухажёры там были упругими и твёрдыми, могли выдерживать их самые разноцветные желания; Андрюха сразу тонул под её весом, в сравнении с теми он был сморщенный, сдутый – его словно хватало только на что-то

одно. Когда он наконец начинал расти и приносить большие деньги, она с хрипом втягивала в лёгкие радость, поднималась опять наравне со всеми, жила. Но он снова сдувался и исчезал в душевной тьме. Она рыдала всегда, когда во сне чувствовала, что это из-за неё он задыхается, умирает в муках. Лепетала бессвязно, что не она виновата, что вещей нужно совсем немного, меняла тему и ритм, чтобы наполнить его желанием новых походов, убеждала, что лишь немного свежести не хватает для публикации, но видела по его глазам, когда они глядели в её, что делает она это неуклюже, наигранно, и он ей не верит, видит её истинный, денежный интерес. В этом его взгляде было что-то самое простое, воздушное и просторное: веточка, верёвочка, за которую она могла бы ухватиться, чтобы он её вытащил и прижал к себе; то, что он знал всегда, а она, узнав от него однажды, случайно забыла. Но он молчал, а она очень боялась спросить (он мог подумать всерьёз, что она его разлюбила) и мучительно, в полусне, пыталась вспомнить, но никак не могла.

Именно эта, забытая, нежная и тонкая, была для неё самой страшной из опор. За неё она когда ухватывалась, та непременно рвалась, и Вера скользила в глубину... Если бы Вера попробовала отыскать её начало, опору опор, то не хватило бы, пожалуй, и десяти лет, так прочно, так надёжно зарастают такие. Ей иногда, когда совсем не оставалось сил, хотелось в голос, в визг кричать: «Я люблю тебя!!! Скажи мне!», и, сливаясь с ним в одно напряжённое чудо, погружаться в возбуждённый влажный жар ожидающего спальника. Но из ответной тишины на неё смотрели добрые глаза, и пустота за ними так отчётливо проступала сверкающим простором на склонах, что она от неутолимости желания и от ощущения собственной вины снова начинала задыхаться и, обессиленная, отдёргивала занавеску завтра.

Она сходила в комнату, чтобы шикнуть на расшалившуюся молодёжь:
– Скоро есть пойдём... Тихо!

По пути на кухню не удержалась, провалилась в зеркало. Там сидело что-то страшное. Чёрный клочок волос и два прилипших над красными щеками глаза. Ей было не оторваться от этого зрелища и очень хотелось плакать. Но слёзы словно устали вчера, вместо них сразу подступила тошнота. Что же будет? Ей вспомнилась красная маска стыда, налипшая на лицо, когда муж, понурившись, сидел напротив неё после возвращения из похода. Бывший директор по закупкам предлагал уволиться и перейти с ним на другую подобную работу. Андрей только что рассказал ей всё и ждал её решения. Она смотрела на его лицо и отражала его своим, и, отражая, начинала чувствовать в себе его сознание. «Разведусь!» – заставила она сказать себя раздражённо, но злость, она это долго помнила, была вызвана прохладной и просторной, как двадцатилетний кредит, мыслью, что лучше бы он ей этого не говорил.

В их комнатке на стене висит фотография разрушенного храма, сделанная в одной из поездок. Вера потрясла тогда удивительная простота: такая, что всё объяснит разом, но которую никак не понять. Бросили машину, около часа с Валькой в кенгуряшике шли по дремучему лесу, и вдруг, прямо посреди леса, на малюсенькой свободной от деревьев полянке – громадная развалина изувеченной пятиглавой церкви. Кое-где остатки штукатурки, на стенах изнутри – контуры фресок видны, на полу обрывки газет пятидесятых каких-то годов... Ни надписей, ни кострищ, какие обычно бывают. Только лес и брошенная церковь, простирающая башни, в которых, если поднять голову, виден пустой круг неба. Вера никому никогда не признается, что часто, почти всегда, оставаясь в квартире одна с Кирюхой, идёт к этой своей иконе, встаёт перед ней или садится и долго про что-то на неё смотрит.

* * *

«Мицаль» разбирался быстренько. В его инструментальном ящике аккуратно хранились все необходимые ключи. Пока он не мог понять – за два или за три раза удастся перевезти

эту хреновину. На улице было солнечно, впервые по-настоящему жарко. Руки знали байдарку наизусть, он мог разбирать не глядя и быть уверенным, что закончит секунда в секунду.

Скоро придёт Верка, отводившая детей к подруге. Они спустят заготовленные несколько рюкзаков – она лёгкий, он тяжёлые; он будет прилаживать на дуги части детского сонного плавсредства, а она будет помогать ему, натягивая и придерживая верёвку и улыбаясь в его глаза. После этого он обнимет её крепко-крепко, она поднимет лицо к его радостному поцелую, и они оттолкнутся вниз по течению. Вода будет смешно шепелявить, ветер – провожать их, прикольно путая ей волосы, улетаая вперёд и оглядываясь на них шепутным барбосом. Только этого не будет никогда. Он уже не верил, что когда-нибудь услышит её смех. Веточка зацепилась за наивные мечты, отстала, словно потеряшка на маршруте. Её нельзя было упрекнуть за это – он знал не понаслышке, насколько сложно брать высокие перевалы без кислородных баллонов. Когда каждую секунду приходится перебарывать считающий, что он умирает, организм.

Сам он уже давно шёл без допинга. Не мог же он, честно выполняя приёмочные процедуры, выпуская паспорта, думать не о стоящих перед ним датчиках, а о снежном покрывале пены, лежащем на воде плёса. Но даже когда он, усталый, возвращался домой и пытался начать свой дневной рассказ, она его быстро прерывала. Будто не находила в этой его жизни ни штриха красоты, сколько бы он ни старался в своём красноречии. Будто единственным результатом его нынешнего похода становились утекающие на еду и одежду деньги, а не допущенные им в работу приборы, поступающий на объекты газ. Глаза её (как-то слишком привычно) загорались только тогда, когда они отправлялись в походные воспоминания или в его следующий поход. Он тогда смотрел на неё, и скулы сводило, как в начале, но ему приходилось опускать глаза. И он через усталость переключался, пытался найти какие-то воспоминания, которые она ещё не слышала, всё чаще придумывая небылицы; и он вдумчиво и неспешно собирался в новый поход за историями для её невоплотимых рассказов, ощущая себя актёром, а точнее – куклой; а когда она показывала ему свои наброски, он с грустью старался найти в них искорки настоящей жизни и очень хотел бросить бумажки на пол и схватить её, прижать обратно к себе. Слушал с улыбкой её шёпот, кивал, иногда невпопад. Всё вспоминались беспомощные слёзы экономного паренька: незаметно наблюдал из кустиков, как тот, оглядываясь и вытирая нос, выбрасывает в яму и прикрывает мхом надоевшие тяжёлые банки с тушёной.

Подготовка к покупке через опасный перевал, к приобретению автомобиля или квартиры – это ведь уже сам поход! Получение данных и обработка коммерческих предложений, принятие решения о маршруте, набор команды, расчёт средств, выверка диеты, поиск кредита, проработка вариантов с маткапиталом и инвентаря с минвесами, заключение договора и подготовка карт местности, получение бумажек от соцотдела, КСС и погранцов – полная, кипящая жизнь! Сам же поход – серые будни – всего лишь движение по верному маршруту, степень комфортности которого зависит только от уровня походника, подбиравшего экипировку. Ждать покупки и момента использования новой вещи, пусть даже самой сложной категории, – как использовать бэушку, как жить наполовину, после кого-то, кто живёт уже сейчас и использует эту вещь до тебя. Почему она не понимала его? Не замечала красоты в том, на что они тратили подавляющую часть своей жизни? Или думала, что только на природу можно повесить настоящие ценники, только по этому поводу достойно сравнивать свои впечатления со впечатлениями других? Так и не расслышала, что только у того всё есть, кому ничего не нужно? Когда ему лет шесть назад предложили переехать в Терскол, на постоянную работу с бесплатным жильем, он и не думал даже, что они упустят такую удачу. Но она как-то не прочувствовала, затянула с ответом, а он не стал настаивать, и она... они приняли решение отказаться; потом грусть об этом мелькала всё реже; а потом вроде и совсем жизнь наладилась – договор займа был подписан... Но последнее время он всё же давал себе волю посомневаться: правильно ли устроено взаимопонимание в их семье, что в поход он идёт больше для неё, и, хотя идёт один,

чувствует, что она рядом, а работает, зарабатывает деньги – опять же для неё, и, хотя она при этом рядом, он чувствует себя одиноко.

Он разогнулся над разобранной кроваткой и загляделся на яркие лучи, льющиеся из-за окна. Разбежался и нырнул: из душной бани – на молодой солнечный простор. От света и холода захватило дух. Середина июля. Яркое солнце. Жара. Плюс десять. Рядом с душевной, неизвестным трудом подаренной избушкой, – походная баня на берегу студёной реки: здоровая куча камней, разогретая под старым костровым тентом. Заброшенный рудник в Хибинах, полностью оснащённый и остановившийся по мановению, как в сказке о спящей красавице. Ржавые тросы, покрытые мхом, замершие подъёмники, тележки с породой. И ледяная вода, которая стала живой на одно остывающее мгновение. Выбрался. Снял тент. Начал заворачивать в него кроватку, закрепляя скотчем. Валюшка как-то спросила: «Папочка, а почему у них такая машина?» Верка молчала и копала палочкой золу в костре. А неподалёку от их перечиненной «девятки» стоял «кукурузер» каких-то малолеток, приехавших купаться. Ну конечно: сбор справок, утилизация, льготный кредит... Он посмотрел на стену. Удивился. Верка когда-то успела снять все картинки. Среди них была та, сказочная, с рудником и избушкой. Пусто белели ряды прямоугольных пятен.

Он заканчивал копошиться над кроватью, когда она вошла в прихожую.

– Привет, Ветусик! – Он выглянул из комнаты. – Ты уже всё собрала?

– А... – задумчиво ответила она.

– Я разобрал – поможешь мне с синим рюкзаком?

Она была уже на кухне, о чём-то звякала ложкой по кружечным стенкам.

– Я утомилась что-то. Подожди, – шёпотом сказала, а может, подумала она.

Но в прихожей затихло уже шуршание материи, входная дверь тихо хлопнула. Чужая квартира наполнилась странной городской тишиной, когда, не явно для органов чувств, но для подсознания неоспоримо, что-то протяжно, тонко и надрывно звенит.

* * *

Он каким-то невероятным образом уместил в их «калинке» все рюкзаки, а на крышу взгромоздил кровать, превращённую в огромный скотчевый кокон. Она реально тупила и путалась у него под ногами, держа в руке непонятный кончик верёвки. По пути домой её стошнило – она еле успела забежать в кусты – и теперь во рту поселился тот знакомый, противный и неустрашимый ничем привкус. В конце концов он привязал всё сам, своими коронными тройными узлами и, утомлённый этой беготней, отдуваясь, хлопнул водительской дверью. Она села рядом.

Какое-то время ехали молча. Он не набирал больше сорока. Он был, как всегда за рулём, собран. Шины шептали ему что-то своё, она – задумчиво смотрела вдаль. На её стороне была тень, его половина заливалась жёлтым светом. Жара бросилась на неё, выступил пот.

– Дюшенька, прости меня, а? – сказала она нежно.

– За что? – Он не отвлекался от дороги.

– Я вчера...

– Да ладно... Ты – извини... Пристал там...

Они проехали под кольцевой. От кольца до их квартиры было всего несколько минут. На маршрутке – пятнадцать до метро.

– Андрюша! – Она придвинулась к нему и посмотрела в лицо. – Я тебя очень. Очень-очень. Очень-очень-очень сильно люблю. Ты мой самый любимый человечек на свете.

Она докоснулась его руки, и они вместе переключили передачу.

– Честно? – спросил он, не оборачиваясь.

Она подождала... Улыбнулась окончательно.

– Нет, конечно. Я тебя обманула. Ты – мой третий самый любимый человек на свете.

Дубина.

Он наконец бросил ей кусочек взгляда.

– Ну вот, всегда у вас, оглоедов, папа на последнем месте!

Она улыбаясь смотрела на его весёлое лицо. Подняла ноги на сиденье и развернулась к нему. Наверное, десять тысяч километров они так проехали.

– Меня бесит, что ты ничего мне не говоришь, – наконец сказал он. – Молчишь, молчишь... А я так редко с тобой бываю...

Ей пришлось открыть рот, чтобы вздохнуть.

– Ничего, Дюня, скоро. Валька в школу пойдёт, спиногрыза в сад сдадим. Я на работу пойду – полегче будет. Вечером будем играть в карты. Будем ездить с тобой снова... А хочешь, я с сентября пойду?

Но он опять ничего не ответил. В его глазах мерцали искорки дороги. Она смотрела на него не отрываясь.

Он ей не понравился с первого взгляда. Был какой-то дикий, природный, по сравнению с её друзьями, с которыми она, в основном для новых ощущений, изредка ходила в походы. Но на одной стоянке он заговорил. И она пропала в его голосе. Очнулась в волшебном мире студёной свободы, полустёртых временем тропинок, говорящих деревьев, ручных птиц и застывших в полёте водопадов. Хмурые горцы расцветали в улыбке от её доброго приветствия и откидывали полог, скрывавший очаг с вкуснейшим свежим шашлыком; забытая белая бабушка рассказывала ей, как одна девочка сбрасывала целый состав в реку; маленькая прибранная избушка ожидала её в самой глубине непроходимой тайги. Он стал её свежестью, её светом. Их называли «двойной человек». А им, кроме друг друга, ничего и не нужно было. Они не могли расстаться. И спали... Она вздрогнула... Спали всегда вдвоём, в одном горячем, сплавляющем их воедино спальнике.

Она села в кресле ровно. Посмотрела на стекло за окном. Руки прилегли на живот.

* * *

Конечно, это была глупость, но он ничего не мог поделать с походной привычкой. В один рюкзак забил и кровать (чуть не умер тащить эту тяжесть), и весь прочий скарб. Они с Веркой поместились с самого края, и ему пришлось прижать её к себе, чтобы смогли закрыться двери. Когда лифт с протяжным звоном открылся на девятом этаже, он с облегчением высвободился из этой неудобно застывшей позы.

Он полюбил её сразу так, что пришлось уйти на какое-то время от лагеря, чтобы вновь научиться смотреть без слёз. Уж очень гордой она была – рвущийся алый флаг посреди сухостойного безветрия. И её друзья, взмахивающие изящными руками, рассыпающие рифмованные фразы... Боль неизбежной потери подступала, стоило лишь поднять глаза. Они шли короткий – с двумя ночёвками. И на крайней, после ужина, что-то взорвалось: он ответил на её вопрос, потом ещё на один. Потом костёр стал затухать, друзья – расползаться по палаткам. А она смотрела на угольки, и он смотрел на угольки, и говорил, и чувствовал, что она видит его голос, что только он удерживает её, что больше ей ничего не нужно. Поэтому говорил, говорил, говорил... Потом они ходили всегда вместе. Даже за дровами и за водой. И спали вдвоём в их «семейном» спальнике, и он постоянно что-то шептал ей на ухо. А однажды какой-то из молоденьких спросил, подшучивая, как им удаётся спать вдвоём в одном спальнике. «А нам, в принципе, не удаётся», – ответила она хриловатым голосом, толкая палочкой уголёк в костре.

Это был самый счастливый момент в его жизни.

Муж вытаскивал вещи, а она, замирая, пошла вперёд. Пятно двери приближалось, заполняя собой всё пространство. Она неосознанно надавила на ручку и потянула дверь на себя. Было закрыто. Вспомнила вдруг про ключ. Щёлкнула замком, снова бережно надавила на ручку и отступила на шаг. Дверь медленно открылась. Пахнуло плотным духом обойного клея; на полу напротив окон валялись куски солнечного света; бетонное пространство звенело гулкой тишиной, приглушённо слышалась работа Андрея. Вера наполнила комнату и кухню гулом быстрых шагов, раскрыла окна пространству. Огляделась. В их новом обиталище было совсем пусто, ещё очень многое надо было покупать, а денег после кредитных выплат почти не оставалось.

Андрей заносил вещи в комнату, и она ушла на кухню, чтобы не мешать. Он переоделся и начал прикручивать плинтусы. Вера вошла с кружкой в руке и встала у входа, опершись о стену.

– Хочешь чаю?

– Нет пока...

Она стояла, отпивая, смотрела на него. Квадратик солнца тёрся об её ноги. Решилась.

– Почему всё так как-то... У нас с тобой. А?

Он на секунду приостановился, сделал неопределённый жест. Ответил, не прекращая крутить:

– Ну я ж говорю: всё чудесно... Просто ты – нервная...

– Знаю, – выдохнула она. – А почему, а?

Он продолжал закручивать.

– А? – напомнила она.

– Может быть, тебе чего-то не хватает? Как желудку.

– Мне? – Она даже поперхнулась от радости.

– Ну да. – Он тоже засмеялся. – Когда желудку не хватает, он переживает.

– У нас же всё есть... Что ещё нужно?

– Не знаю... Что-то всегда нужно...

– Злишься на меня, что тогда не переехали?

– Куда? – спросил он удивлённо.

– Ну туда, на Эльбрус!

– Да нет, конечно... С чего ты... Я и забыл уж...

Они замолчали. Андрей прилаживал очередную планку. Она рассматривала сверкающие горы за окном. Они были далёкие, безжизненные. Казалось, что все целиком покрыты холодным светом снега. Могло ли быть, что где-то там, у подножья этой сказки, в своём маленьком домике сейчас грелись, обнявшись у горячего очага, дружные люди? Отец, который занимался своим любимым делом и кормил от него семью; дети, выраставшие в тепле и заботе, в любви и сочувствии, дыша свежим, здоровым воздухом; мама, которая растила детей, отдавала им и мужу себя без остатка, но по вечерам, по ночам, полная счастливой энергии, улучала секундочку, записывала в свой дневничок будни свободной семьи, полные яркой и широкой, как горные просторы, жизни, будни, которые для многочисленных усталых городом людей стали ярким откровением, гремели по стране новым словом. Она представила это так ярко, что ей даже показалось, что слышит шорох фланелевой одежды, когда их руки поднялись для прощания. Она тоже потянулась вперёд, чтобы ответить, но опомнилась. Она теперь не догадывалась, она твёрдо знала, что испытывает человек, находящийся на вершине своей заветной горы.

– Теперь ведь у нас всё совсем хорошо? Дети, квартира, машина! – задохнувшись от нежности, сказала она. – Ты меня честно любишь?

– Да, Веточка. – Андрей стоял перед ней на коленях, держал отвёртку в руках.

– Я тоже тебя очень люблю! – отразила она его лицо. С радостью чувствовала, как звонко стучит её сердце, как кровь приливает к низу живота.

– Это хорошо! – улыбнулся он, возвращаясь к своей работе. – Кстати, кровать куда будем ставить?

Кружка оборвалась вдруг и медленно полетела к полу, разбрызгивая остатки. Как невыносимым страхом, её глаза наполнялись хрупким полётом до самого взрыва, жёсткого и страшного конца. Но кружка глухо тукнула, пару раз подпрыгнула и замерла, вздрогнув в последний раз вместе с эхом пустой комнаты.

– Ч-что? – произнесла она ослабшим голосом, не отрывая взгляда от разбегающейся лужицы.

Он показал в сторону обмотанной кровати. Удивлённо смотрел на её лицо.

Ничего больше не говоря, она обняла себя руками, развернулась и пошла на кухню.

Андрей опять пожал плечами. Подмигнул сверкнувшему из-за окна простору. Стоял на коленях перед шалашиком, вкручивал очередной саморез.

ДАВКА

Иван Георгиевич увлекал людей за собой. На строительстве ледовой железной дороги бывали случаи, когда измождённые недоеданием и каторжным трудом женщины отказывались выходить на работу. Они разводили костры и грелись около них небольшими группами или бессильно лежали на нарах в стоящих прямо на льду палатках, вдыхая сырой, чуть тёплый воздух... Он останавливал водителя, приказывал замолчать исходящему в угрозах скорой расправы политруку, заходил в палатку и с грустью в глазах смотрел на худое лицо укрытого одеялом тела, приговаривая: "Отдохни, милая... Отдохни..." Выйдя из палатки, он скидывал шинель, шёл к эстакаде и, взяв заиндевевшую кувалду и поплевав себе на ладони, принимался забивать костыли, сопровождая свою работу весёлыми прибаутками вроде: "Эх, на лавке лежать – ломтя не видать!"

Колокол ледяных ударов далеко разносился надо льдом.

И постепенно, по одному, к эстакаде начинали подходить люди. Женщины поднимали побросанный инструмент, брались за дело. Подбадриваемые криками своего начальника, они и сами начинали подгонять друг дружку, смеялись звонко шуткам, надо признать, зачастую довольно-таки похабным. Откуда только брались силы у них, ещё час назад плашмя лежавших по нарам? Когда над участком разносился дружный перезвон, он потихоньку откладывал инструмент, отзывал в сторону бригадиров и, разминая окоченевшие чёрные руки, жёстко выговаривал им, объясняя, что следует предпринимать, чтобы работы ни на миг не останавливались.

Естественно, спасение умирающих от голода не являлось заветной целью его жизни. Он был прирождённым инженером, способным на ходу, силою одной лишь интуиции решать технические задачи, посильные только крупным проектным отделам, и в начале сорок первого прибыл в Ленинград с бушующим в груди пламенным желанием – дать великому городу метро. С энергией и знанием дела приступил он к организации работ, но начавшаяся война изменила все планы страны в один день. В самый тяжёлый первый год блокады коллектив «Метростроя» под его руководством участвовал в строительстве оборонительных и транспортных сооружений, в конце сорок второго, как только встал лёд на Ладоге, был брошен на прокладку ледовой железной дороги, а в начале сорок третьего, всего лишь через месяц после прорыва, по железной дороге, построенной этими голодными, находящимися под непрерывным огнём противника людьми, в Ленинград пришёл первый состав с мукой и тушёнкой с Большой земли; в обратный рейс поезд повёз тихих детей, чьи бездонные глаза чернели из белых пятен лиц.

Он жил не для себя – для страны, для народа, и своими делами доказывал это. Люди следовали за ним ни в коем случае не из страха, что и вправду нависал тогда над страной, но в первую очередь потому, что он вёл их к победе, что он не боялся брать ответственность на себя. Страх ведь в те неоднозначные времена вообще никого никуда не двигал... Ведь это был не наш привычный, поторапливающий страх: страх отстать, не успеть, не купить, то был страх обезволивающий – страх ответственности: за слова, за действия, за бездействие.

Ему не удалось осуществить свою мечту. После его трагической гибели в сорок четвёртом тысячи исхудавших ленинградцев провожали тело начальника «Метростроя» в составе траурной церемонии, молчаливо идущей по Невскому. Они шли не по разнарядке; люди были искренне благодарны ему, помнили его горящие уверенностью глаза, его ободряющую улыбку. Несмотря на то, что над городом было чистое летнее небо и что война пылала уже далеко, холодное чувство, неотступное, словно серая туча, сопровождало процессию. Люди чувствовали, что вновь оставляет их самый честный и самый примерный, ощущали себя одинокими и недостойными нести возложенную на них великую ношу.

Шёпот, прокатываясь над толпой, тихо шелестел, что, возможно, катастрофа была предумышлена – уж очень выделялся погибший своими заслугами, что вроде бы даже был отдан на подписание приказ о назначении его на должность наркома путей сообщения, что Каганович, действующий нарком, отправляя его в эту срочную командировку, мог что-то «знать» о неисправности самолёта... Но туча следила неотступно. И шёпот, едва всколыхнувшись, стихал. Да может, и не было никакого шёпота?.. Может, это ветер шумел над толпой...

Одно было неоспоримо – самые честные и примерные исчезали: в пламени войны, в чистилище ночи. И постепенно оставалось всё меньше тех, кто умел принимать удар на себя, кто понимал, куда он идёт и умел вести других за собою, а всё больше тех, кто умел лишь подгонять, сам при этом оставаясь за спинами. Конечно, это не значит, что оставались плохие... Это значит, что оставшимся приходилось нелегко...

Вот и метро... После его гибели ход работ многократно замедлился; то, что он планировал сделать за два года, закончили только через десять лет. За то короткое время, что он руководил ходом работ, была создана материальная база «Метростроя», сформирован дружный коллектив энтузиастов, пробиты шахтные стволы всех станций первой очереди, после же его ухода начались непрерывные перебои: со снабжением, со сроками выдачи проектной документации, с решением практических проблем, ежедневно встававших перед подземными строителями. (А Москва всё подталкивала, угрожала, требовала, чтобы строительство было завершено к годовщине...) И в отсутствие талантливого, ответственного и пробивного руководителя принимались решения, снижающие надёжность и безопасность. В частности, в целях экономии было уменьшено число эскалаторов на станциях и вместо предполагавшихся шести эскалаторов по двум сторонам платформы все станции первой линии получили только по три эскалатора с одной стороны. На момент строительства метрополитена это и вправду было не критично, зато с годами, по мере увеличения пассажиропотока, ошибочность принятого решения становилась всё более и более очевидной. На некоторых платформах, например, на «Владимирской», где по центру небольшого зала позже был достроен переход на «Достоевскую», ситуация осложнилась ещё больше. Не хочется даже и представлять, что произойдёт, если однажды плотность потоков, выливающих из этого тоннеля и соединяющихся с волнами, непрерывно выплескивающимися из поездов, превысит допустимый предел... Но в то время такие решения принимались повсеместно... На многочисленных стройках страны ради отчёта, ради досрочного запуска руководство шло на упрощение технологии, на снижение безопасности. Шестерни срывались... Установленные взамен них проскальзывали... Но двигатель пока что работал, машина продолжала катиться вперёд. И пусть с большим отставанием, но первая линия ленинградского метро была запущена в эксплуатацию.

Время шло... Забывались потери, покрывались пеплом горячие угли войны. Да и серая туча понемногу растворялась в необъятном пространстве прошедшего, правда, почему-то оставляя после себя ровно столько же пустоты, сколько простора. Страна жила, машина бежала... Метро продолжало расти и шириться, поток пассажиров возрастал с каждым годом... И уже ни один кировец не додумался бы завоевать снисхождение заводской красавицы, пригласив её «прокатиться по подземной дороге», а лиговские мальчишки уже не хвастались перед своими друзьями, что умудрились целый день прокататься в метро без билета... Как всё новое рано или поздно становится привычным, так и подземка постепенно перестала интересовать людей как произведение архитектуры и конструкторской мысли. И если у кого-то, предположим, имелась бы на руках запись с видеокamеры, расположенной на «Владимирской» с момента её ввода в эксплуатацию, то его заинтересованный взгляд мог бы наблюдать в режиме ускоренного просмотра всю динамику сложной человеческой машины. Он бы видел, как сначала пробегали перед камерой первые, единичные и восхищённо вертящие головой пассажиры, как затем ритмичными порциями пульсировала более плотная масса торопливых и серьёзных людей: женщин в строгих драповых пальто, мужчин в расклёшенных штанах, как

плотность и частота пульсации постепенно увеличивалась, а одежда изменялась в зависимости от сезона и прирастающего в нижнем правом углу порядкового номера года, как одновременно с этим восхищение на лицах сменялось спокойной светлой уверенностью, а она, в свою очередь, уступала место усталому безразличию, как после того, как в центре зала разверзлись две арки перехода, движение окончательно превратилось в медлительный душный поток, одежда стала однообразно бесформенной, а на лицах поселилось выражение серого отчаяния, как затем плотная толпа начала понемногу пестреть яркими красками, а спокойствие начало возвращаться на лица и... но именно в этот момент запись подошла бы к концу, и система, перейдя на нормальную скорость воспроизведения, показала, как остановился очередной состав, как из него вылилась новая масса ещё по-летнему одетых тел, как среди неё выделился своим ростом красивый парень лет двадцати пяти...

Его лицо привлекало странной, труднообъяснимой красотой, которая складывалась скорее не из привычной глазу правильности черт, что относится, как правило, к характеристике определённой какой-то нации, а из невзрачных по отдельности, но становящихся очень яркими за счёт гармоничного смещения черт, выдававших в его крови наличие следов многих национальностей. Прямой готический нос, бездонный испанский взгляд, кубанские смоляные волосы, великоросский купеческий подбородок, тот, что так хорошо подпирается кулаком в долгие зимние вечера... В эту минуту, несмотря на то, что начиналось лишь утро новой недели, всё это интригующее сочетание уже было искажено тяжестью грустной мысли. Проблемы, важнейшие и насущные проблемы, поглощали всё его внимание. Если бы не они, парень, вполне возможно, и присматривался бы к текущим подле него лицам, задумываясь о том, где он находится и как всё это сооружалось, однако на эти мысли у него уже не оставалось ни времени, ни сил.

В числе торопливых фигур заворачивая к переходу, стараясь никого не задеть при подъёме на лестницу, он даже не обратил внимания на то, что из встречного перехода спускается подозрительно малое число пассажиров. Его больше занимало то, что другие тела мешают его быстрому продвижению вперёд. Он успешно обогнал нескольких бабулек в изношенных драповых пальто, но опередить женщину с ребёнком в зелёной курточке уже не смог: толкнул её и сбавил скорость под недовольным взглядом, поковылял позади. Раздраженный этим противодействием, он и не мог заметить, как с каждым шагом движение становится всё плотнее, а потому упустил последнюю возможность развернуться... Когда три четверти пути уже осталось позади, движение неожиданно замедлилось, а через секунду и совсем остановилось. Люди впереди словно упёрлись в какую-то мягко спружинившую сетку. Удивлённый, он торопливым движением оглянулся назад поверх голов: мелькнула быстрая мысль, что выгоднее вернуться и пересечь площадь поверху. Но это оказалось нереальным. Головы позади уже соткались в плотный, слегка волнующийся и поблескивающий глазами коврик; всё прибывающие, подталкивающие предшественников тела неестественно, по-пингвины, покачивались при медленном продвижении вперёд, увеличивая давление; только за излучиной перехода, в самом его истоке над ступеньками, где оставался ещё простор, виднелись на мгновение появляющиеся и тут же исчезающие головы правильно оценивших ситуацию счастливых. Ему ничего не оставалось, как принять решение идти дальше, присоединившись к этой занимательной игре в пингвинов. Грустных и усталых пингвинов, которым, судя по текущей скорости, требовалось около пяти минут, чтобы пройти эти двадцать метров, остававшихся до вестибюля с эскалаторами.

И он тут же, вместо того чтобы глядеть по сторонам, разбираться в ситуации, принялся винить себя. Действительно, тяжело казалось толкаться здесь, среди тел, втиснутых в каменный мешок, что своим близким потолком давил на измученный проблемами мозг ещё и тоннами опасной земли, вместо того чтобы, вовремя оценив ситуацию, подниматься сейчас на беззаботном эскалаторе к свободной свежести света. Только то, что он немного возвышался над другими, помогало ему: он мог видеть тусклую прослойку свободы, вздыхающую между

монолитом потолка и сероватой рябью голов. Вообще, винить себя – это была его абсолютно нерусская, унаследованная от каких-то заграничных предков привычка. Он часто сомневался в правильности совершённых поступков, в обоснованности выбранных целей, ругался с собой из-за отсутствия энергичности в их достижении, завидуя друзьям и знакомым, большинство из которых имело счастливую способность самозабвенно и радостно стремиться к своей мечте, даже если со временем эта мечта превращалась в полную противоположность исходной. Что-то сидящее глубоко внутри, такое, что он даже не мог понимать, что именно, заставляло его на весёлой пьянке вдруг забиваться в какой-нибудь угол и со слабой улыбкой наблюдать за чужим весельем, или даже, отказываясь от заманчивых приглашений, оставаться дома и вычитывать что-то из очередной книжки, скачанной по совету списка «100 самых...» Сейчас от этого самокопания его ещё мог бы отвлечь вид какой-нибудь симпатичной, недавно вступившей в репродуктивный возраст девчонки, предлагающей себя раскраской и одеждой, но таких не наблюдалось ни одной среди этого плотного скопления. Всё окружали его какие-то тёмные скрюченные бабки, потные жирные мужики, бесполезные тётки с детьми... Оглядываясь назад, он видел узкий тоннель, напирющую массу тел, вспышки поблескивающих из сумрака глаз и чувствовал напряжённое, раздражённое давление, заставляющее идти только вперёд; впереди виднелась точно такая же, безликая и скучная толпа, которая вязко утекала за поворот в небольшой, тусклый мрамором вестибюль, таящий в себе причину сегодняшнего столпотворения. Нет, интерес к причине этого затора, конечно же, имелся. Парень с определённым любопытством подпингвинивал по шажочку вперёд, поглядывая на воображаемую границу, за которой тесный низкий коридор становился вестибюлем: за многие годы, что он пользовался этим переходом, ни разу ему не доводилось попадать здесь в такое скопление. Но ответ почти не приближался, и всё так же виднелся квадратный кусочек вестибюля, и только давление всё нарастало и нарастало...

И вдруг по толпе побежала волна.

Он прямо-таки видел по движению голов, как она вышла из вестибюля с эскалаторами, а потом так, немного вильнув, изменила направление и ринулась в проход, прямо на него, слышал, как впереди раздалась приближающиеся острые вскрики, а когда волна прокатилась сквозь него, ощутил невыносимое, какое-то смертное давление тяжести чужих тел, вырвавшее из его тела весь воздух. Вскрики затихали за спиной, а он, судорожно вдыхающий, ещё не осознавший, что происходит, ощутил ужас ледяного гвоздя в затылке, наблюдая, как нарастает вторая волна, ещё более высокая, чем первая. Какой-то потусторонней вспышкой ему вспомнились передачи об удушающей мощи толпы и в самый последний момент он успел согнуть в локтях руки и, прижимая изо всех сил к бокам, принять на них злобный удар плоти. Статушка, стоявшая перед ним в двух рядах, побледнела лицом, высунула жирно язык и, крунувшись ужасной маской, захрипела, утопая меж тел; мальчик, которому его кулак попал в голову, завизжал и принялся скоро-скоро скрести ногтями, карабкаясь вверх по не обращающей на него внимания матери; со всех сторон раздавались сдавленные стоны, слышались визги и хрипы, искажённые голоса исторгали не находящие смысла звуки; взблески налитых звериным ужасом глаз метались по помещению; там и тут возникали мелкие завихрения паник, соединяясь в одно напряжённое, ждущее одного лишь толчка волнение...

«Так! Все замерли!» – прогремел оглушительный бас над самым его ухом. Он почувствовал, что этот голос имел неестественность, словно мужчина сознательно понижал его. Тем не менее, громкий звук сразу подействовал. Ближние ряды стихли и оцепенели, но сзади и спереди всё ещё поддавливали. «Я сказал: никому не двигаться! Сейчас там решётку откроют, и станет свободно... Не давить, я сказал!» – прогремел бас снова, и оцепенение разлилось дальше. Вскрики притихли, волнение подуспокоилось. Говоривший мужчина резко отёр его в сторону, просунул руку и, схватив испуганного ребёнка за шкирятник и рванув того из массы тел, резким движением посадил к себе на плечо. Голова ребёнка при этом почти упёр-

лась в полукруглый свод потолка. Выполняя эти движения, мужчина больно и бесцеремонно задел голову парня своим мощным локтем. Испытывая злобу и боль, тот посмотрел назад. Его глаза встретил спокойный и безразличный взгляд. Внутренне сжавшись, парень отвернулся и замер. Масса, находящаяся в тоннеле, тоже стояла покорно; люди, стоявшие ближе к вестибюлю, понемногу начали исчезать. Как свежий ветерок, пронеслось по толпе чувство спадающего давления. Стоявшие впереди люди закопошились, что-то вынимая из-под ног. «Женщине плохо...» – слышал он. Видел, как два человека подняли упавшую под руки и потянули её к перегороженному железной решёткой разрыву в стене, где имелось чуть больше свободы. От эскалаторов доносился истеричный старушечий голос: «...чуть не убили!.. Кто же так закрывает!...» Проходя через вестибюль, он понял, в чём дело: парнишки и женщина в ментовской форме стояли у входов на эскалаторы, загораживая путь толпе, а покрасневший сотрудник метро теребил в руках цепь с замком, выслушивая визгливые обвинения. Видимо, замешкался, открывая защитную решётку. В нескольких местах над головами виднелись включённые телефоны. Он даже скривил рот: то, что он не имел своего в такой именно день, удваивало обиду потери.

Сердце билось учащённо, но волнению уже не имелось причин. Опасность обошла его стороной. Оставалось только потратить ещё какое-то количество времени, чтобы вернуться на «Владимирскую» и обойти поверху. Но это уже не казалось таким возмутительным. Люди вокруг чувствовали то же. Они переговаривались, предлагая свои объяснения произошедшему (доносились слова про оставленную на «Достоевской» сумку), осуждая неумелые действия полицейских. Чуть впереди шла женщина, прижимающая к себе зелёного ребёнка. Рядом с нею шёл большой мужчина, спокойно улыбающийся и пошучивающий в ответ на её благодарности. Парень постарался незаметно отстать от них, благо толпа всё больше и больше рассеивалась. Когда он дошёл до ведущих вниз ступеней, то смог даже спуститься, припрыгивая и постукивая ногтями по жёлтому поручню. Около соседнего, ведущего на «Достоевскую» тоннеля уже стояла гнусная тётка в метрополитеновской форме. Она отгоняла незнающих людей, натянув поперёк входа толстый трос красного шёлка и оставив небольшую щель для последних пассажиров, возвращающихся из закрытого перехода.

На станции же и вовсе всё успокоилось, участники давки быстро растворились среди ничего не подозревающих пассажиров, каждую минуту прибывающих с новыми поездами. Он неторопливо шёл по залу, радуясь непривычному ощущению свободы, которое он получил посреди суетливого, спешащими телами транспортного узла, и одновременно переживая какое-то большое, плотное, пульсирующее в ушах и голове чувство, сдавливающее его сознание возбуждённой толпой неуправляемых мыслей. Когда он взошёл на ступени тоннеля, ведущего к эскалаторам, скопление людей, виднеющихся в конце этого тоннеля, показалось ему подозрительно большим, и он предусмотрительно не стал подниматься на второй марш, решив постоять в уголке на лестничной площадке.

Мимо него проходили люди...

Он наблюдал за ними и думал о том, как это непонятно и смешно, то, что они не понимают грозящей опасности. Обыденные их лица на фоне возможной катастрофы вдруг приобрели для него новое значение. Хотелось взглянуть в них, сравнить, как поведут себя они, как поступит вон тот или вот этот, когда толпа наконец вздохнёт и запустит по себе тяжёлую волну.

Провожая людей взглядом, он остановил внимание на попрошайке со спящим ребёнком и коляской. Она прижималась к этой же стене, чуть поодаль от него, рядом с оборванной бабкой, явно сумасшедшей, которая стояла на коленях и монотонно отбивала поклоны грязной пластиковой баночке для денег. Попрошайка, та, что держала на плече ребёнка, тряслась в беззвучных рыданиях, с очевидным усилием сжимая стремящиеся разомкнуться белые губы и протягивая вперёд дрожащую, согнутую в локте руку.

Убедившись, что его опасения безосновательны и что толпа не нарастает, он продолжил путь. Проходя мимо попрошаек, покачал головой: по бесчисленным передачам он твёрдо знал, что обманщики бывают невероятно изобретательны и артистичны и что без «официального» разрешения так работать в метро не дозволено никому. А на эскалаторе ему наконец, впервые за этот день, повезло. В трёх специально пропущенных ступеньках, отвлекая ото всех неуместных размышлений, вознеслось на уровень глаз произведение искусства, обтянутое короткой, туго облегающей юбочкой. Темнеющая щель в том месте, где плотно сжатые ножки исчезали под нею, то набухала, то бледнела от волн движущегося света, как мигающая рекламная стрелочка, напоминающая сразу обо всех заманчивых, виденных им с самого детства фильмах. Это было божественно, но, как ни молили его глаза о продолжении, ему вскоре пришлось принудительно оторвать их и направить на поток обыденных встречных лиц, дабы не выставить свои лёгкие брючки на позор при сходе с эскалатора.

* * *

Когда Иван Георгиевич консультировался с местными властями относительно выбора мест для строительства наземных вестибюлей, как самое перспективное место для строительства «Площади Нахимсона» ему предложили территорию, занимаемую Владимирским собором. В этом не было ничего кощунственного или принципиального. Какое-то здание разрушать всё равно бы пришлось; исходить следовало из понятия целесообразности, заменяя менее полезное здание более полезным. Руководствуясь этим же рассуждением, сносили и Знаменскую церковь под вестибюль «Площади Восстания», и жилое здание под «Технологический институт», и деревянные дачи под «Автово». Однако это предложение так и не реализовали. Директор фабрики «Ленмашучёт», уже почти десять лет располагавшейся к тому времени в храме, грудью встал на защиту своей территории, суетливо забегав по инстанциям, рассылая десятки обосновывающих и жалобных записок.

...Летом тридцатого года в рабочем кабинете настоятеля Владимирского собора, протоиерея Павла, вокруг просторного стола, сукно которого лишь по центру было свободно от разложенных аккуратными стопками бумаг, сидели трое одетых в чёрные рясы утомлённых священнослужителей. Двое из них были седобородыми полными старцами в очках, с большими крестами на груди, третий – молодым священником с относительно короткими волосами и клинообразной бородкой.

– Вы же сами прекрасно понимаете, о чём я говорю. Вы воочию видели глаза этих «профитов», – произнёс протоиерей Михаил, настоятель Малоколоменской церкви, бывший когда-то из «иосифлян».

Отец Павел грустно покачал головой, бросив взгляд на лежащие на столе документы – всё это была переписка с ГПУ, с Советами, с теми же «иосифлянами», не допустившими тогда проведения собора. Отец Николай следил за лицом своего настоятеля, храня на губах едва заметную улыбку.

– Они всерьёз проводят измерения, – сбивчиво продолжал отец Михаил, – так, словно моего храма уже нет! Меня, вы знаете, им уже не испугать... Но я боюсь за своих детей, свою супругу... Как она за меня переживает... Вы знаете всё, что я говорил раньше... И я езжу сейчас... И я воистину верю, что не останется камня на камне; что всё будет разрушено... Но почему же просто смотреть на это? Отец Павел, я знаю Вас, как прекрасного организатора, как человека, способного увлечь за собой! Я прошу Вас, забудьте о прошлом, благословите клир сообща встать на защиту!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.